

«Надо уделить первостепенное внимание
изучению прошлого университета...»:
Петроградский/Ленинградский университет
1918–1931 гг. в воспоминаниях И. В. Егорова

Публикация О. А. Гавриловой, В. В. Петрова

**Гаврилова Ольга
Александровна**
*кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

**Петров Владимир
Владимирович**
*бакалавр истории,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

Юбилейные торжества, а в 2014 г. старейший вуз России Санкт-Петербургский государственный университет отметил свое 290-летие, традиционно вызывают к жизни новые публикации по истории этого выдающегося научного центра и образовательного учреждения. Так, и для автора публикуемых мемуарных зарисовок побудительным мотивом записать воспоминания о прошлом становится подготовка празднования шестидесятой годовщины советской власти. Значительно изменившаяся с середины 1950-х гг. политическая обстановка в стране позволяла надеяться немногим выжившим в революционных событиях, репрессиях и военных катастрофах XX в. старым большевикам, что они успеют поделиться своими воспоминаниями с подрастающим поколением советских людей.

Иван Васильевич Егоров (1887–1971) — российский и советский общественный и политический деятель, литератор, работник высшей школы, историк революционного движения. Родился в семье офицера Балтийского флота В. Е. Егорова. Учился в Александровской гимназии в Гельсингфорсе. В 1906–1911 гг. — студент историко-филологического факультета Петербургского университета. После окончания курса И. В. Егоров занимался преподавательской деятельностью в гимназии, а также давал частные уроки, готовился к сдаче магистерских испытаний в университете, много путешествовал по Европе. В 1914 г. женился на Татьяне Иеронимовне Немчиновой¹, дочери И. И. Ясинского². С началом Первой мировой войны, подготовив магистерское сочинение (научным руководителем его выступил профессор И. А. Шляпкин), но не успев сдать

экзамены, поступил вольноопределяющимся в армию и выехал в Свеаборг. В начале 1917 г. И. В. Егоров по состоянию здоровья демобилизовался из армии и вернулся к научным занятиям, одновременно ведя широкую пропаганду против войны в образовательных, научных и культурных сферах Петрограда. После Октябрьского переворота, порвав, по собственным словам, «со всеми представителями своего обычного интеллигентского круга»³, стал первым сотрудником Книжной палаты, установившим непосредственный контакт с советской властью. 9 ноября 1917 г. Егоров был назначен комиссаром Книжной палаты⁴, 21 ноября — Академии наук, а с 8 декабря по 26 февраля 1918 г. являлся комиссаром отдела высших учебных заведений и научных учреждений Наркомпроса РСФСР. Затем участвовал в гражданской войне. По ее окончании занимался научной, пропагандистской, преподавательской деятельностью. Автор работ по истории революционного движения на флоте, политико-

И. В. Егоров

просветительских сочинений⁵. В 1930–1950-е гг. став персональным пенсионером республиканского значения, продолжал научную и общественную работу⁶.

Настоящие воспоминания, обнаруженные нами в архиве Музея истории СПбГУ, судя по всему, представляют собой наброски и черновые зарисовки для крупных исторических и автобиографических работ И. В. Егорова — в частности, изданной в 1980 г. в Ленинграде при активном участии В. И. Старцева книги «От монархии к Октябрю»⁷. Пишет об этом в слове «От редактора» и сам В. И. Старцев: «Полная рукопись состоит почти из четырех тысяч страниц ... не было никакой возможности издать весь труд Ивана Васильевича Егорова ... Сокращая текст, с сожалением опуская многие описания и красочные детали, может быть, драгоценные для историка того или иного узкого периода, мы стремились сохранить хронологи-

ческие рамки имевшихся мемуаров...»⁸ Полный текст воспоминаний И. В. Егорова, доведенных им до 1918 г., и озаглавленный «Народ-народ», хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинского дома). К сожалению, фонд И. В. Егорова (Ф. 667), поступивший в ИРЛИ в 1964–1966 гг., до настоящего времени не обработан и не доступен для исследователей. В связи с этим представляется важным и своевременным позволить увидеть свет страницам воспоминаний, посвященным периоду работы И. В. Егорова в академических и образовательных учреждениях Петрограда/Ленинграда в первые годы советской власти.

Рукопись представляет собой машинописный неавторизованный и недатированный (около, но не позже 1967 г.) текст. Публикуется с незначительными сокращениями.

Воспоминания И. В. Егорова об университете (1918–1931 гг.)

<...> Я надеюсь, что моя память хорошо⁹ сохранила основные черты работы университета как до 1917 г., так и после. Частично информация о Ленинградском университете дана мною на нескольких ста страницах моего автобиографического романа, который сдано мною на хранение в отдел рукописей Института русской литературы Академии наук. Часть, относящаяся к Ленинградскому университету, я передал тов. Кононовой¹⁰. Нахожу нужным предупредить, что я не имел в виду немедленную публикацию моих воспоминаний, но так как в настоящее время начата работа по подготовке к чествованию 50-летнего юбилея Великой Октябрьской революции, то я нахожу своим общественным долгом как активный участник революционного движения 1905 г. и 1917 г. приступить также к подготовке моего автобиографического романа к публикации.

К этому я приступил, напечатав в № 6 журнала «Библиотекарь»¹¹ мои воспоминания об ординарном профессоре Ленинградского университета академике Алексее Александровиче Шахматове¹². Он был не только великий языковед, лингвист и филолог, но и директор библиотеки Академии наук. В журнале «Библиотекарь» я касался только одной черты в работе Шахматова. Я рассказал о нем как о директоре библиотеки Академии наук. Разумеется, в свое время и в своем месте я расскажу о Шахматове не только в моем автобиографическом романе, но и в осведомлении, которое я сейчас пишу для Музея Ленинградского университета. Великий ученый Шахматов был в тоже время великий и благородный общественник. Его я помню в первые же дни Октябрьской революции как друга Советской власти. Это произошло так. Я только что приступил к исполнению своих обязанностей в Народном комиссариате просвещения как правительственный комиссар отдела высших учебных заведений и научных учреждений. Шахматов пришел ко мне с двумя работниками Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, по тогдашней терминологии Императорской Публичной библиотеки. С Шахматовым пришли сотрудники Публичной библиотеки Александр Исаевич Браудо¹³ и Владимир Максимиллианович Андерсон¹⁴. Ко мне никак не относилось дело, о котором рассказал мне Шахматов и бывшие с ним работники Публичной библиотеки. Они жаловались на то, что в Публичной библиотеке утвердился в самочинном порядке в качестве комиссара библиотеки Аркадий Пресс¹⁵. Я, конечно, знал Аркадия Пресса, как и многих других, по цитатам философской литературы, как автора дешевенькой философской публицистики или публицистической философии. На этот раз дело шло о гораздо худшем. Самочинный комиссар Аркадий Пресс занимался попросту хищением книг¹⁶.

Он вывозил по словам Шахматова, его товарищей возами редкие и весьма ценные книги. Алексей Александрович просил меня помочь в этом поистине ужасном бедствии Публичной библиотеки, спасти ее от неминуемого развала, если не будет положен предел безобразиям Пресса. Вопрос касался библиотечного отдела, где работали весьма почтенные и достойные товарищи, тов-щи Кудрявцев¹⁷, Оскар Эдуардович Волценбург¹⁸ (ныне здравствующий) и Наум Абрамович Бухбиндер¹⁹, большевик и весьма ориентированный историк еврейского рабочего движения. Но так как вопрос не допускал никакого промедления, я попросту пошел с Алексеем Александровичем Шахматовым и его товарищами по делегации к народному комиссару просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому. Нечего и говорить, что Анатолий Васильевич немедленно положил конец самочинному комиссарству Аркадия Пресса и утвердил в качестве комиссара Публичной библиотеки весьма достойного ученого Владимира Максимилиановича Андерсона.

К университету рассказанный мною случай имеет только то отношение, что Шахматов был в высшей степени активным работником университета. Следующая делегация, в сущности, примерно такого же порядка. Пришли ко мне весьма взволнованные трое выдающиеся ученые: профессор Сергей Константинович Булич²⁰, профессор Иван Михайлович Гревс²¹, профессор Федор Александрович Браун²². Все трое с весьма давних времен работали в качестве профессоров в Ленинградском университете. Но пришли они просить о «спасении» Высших женских бестужевских курсов. Все трое с давних времен работали там. Мимоходом замечу, что знаменитая бестужевка²³, так трагически оборвавшая свою жизнь, в своем прекрасном дневнике много говорит о названных профессорах. Объясняется это тем, что по сути дела Высшие женские бестужевские курсы почти не имели своих научных и преподавательских кадров. Было небольшое число преподавателей, работавших преимущественно на бестужевских курсах, например, известная исследовательница бретонского и нормандского фольклора и эпоса, выдающаяся ученая Балабанова²⁴, крупный специалист по истории русской литературы XVIII в. Татьяна Матвеевна Глаголева²⁵, преподаватель Греков²⁶, впоследствии весьма известный советский историк, Булычев²⁷ и некоторые другие. Своих кадров бестужевские курсы насчитывали вряд ли более двух-трех десятков. Огромное большинство преподавательского состава было в то же время и прежде всего профессорами и приват-доцентами Петербургского университета. Это были наиболее квалифицированные, научные кадры. Делегация в крайнем смятении рассказала о постигшем бестужевские курсы «ужасе». Военная часть заняла помещение бестужевских курсов, кстати сказать, и без того мало вместительное. Делегация просила помочь освободить помещение Высших женских курсов от «постоя» воинской части. С этой жалобой, доложенной мне лично хорошо мне известными, в высшей степени почтенными учеными, я также обратился к народному комиссару Анатолию Васильевичу Луначарскому. Нечего и говорить, что после вмешательства Анатолия Васильевича помещение бестужевских курсов было полностью освобождено.

Эти два случая я назвал только потому, что и Шахматов и другие названные мною профессора были, прежде всего, профессорами университета. Поэтому есть основание Музею университета в своих анналах сохранить доброе дело, совершенное Шахматовым, Буличем, Гревсом и Брауном.

Вот случай, теперь прямо относящийся к работе Ленинградского университета. В первые дни Октябрьской революции. Пришел ко мне профессор Эрвин Давыдович Гримм²⁸, ректор Петербургского университета. Я его знал не только как ученого и как преподавателя университета, но знал его очень хорошо лично. Я знал Эрвина Давыдовича Гримма как члена кадетской партии (как и большинство профессуры Петербургского университета). Но он был кадет, что называется, с загогулинками. Мне пришлось присутствовать на торжественном семейном празднике. Профессор Андрианов²⁹ принимал у себя после блестящего спектакля Малого художественного театра несколько выдающихся актеров театра: Ивана Михайловича Москвина, Василия Ивановича Качалова³⁰, артистку Алису Коонен (в свое время она была артисткой Камерного театра). Присутствовал ряд ученых, приват-доцентов Петербургского университета: Александр Иванович Гребенкин³¹ — по кафедре философии, Иван Иванович Лапшин³² (тоже по кафедре философии), Иван Иванович Глибенко³³. Все это были приват-доценты Петербургского университета. Немного развеселясь, Эрвин Давыдович Гримм поведал, что самая любимая его игра в городки, самое большое вдохновение он испытывает, играя в городки. А затем, когда гости еще больше воодушевились, Эрвин Давыдович Гримм, произнося тосты, сказал:

— От всей души желаю и жду того времени, когда преображенские солдаты перейдут Эрмитажный мостик и задушат Николашку.

Разумеется, эта загогулинка, сказанная под влиянием винных паров, не помешала Эрвину Давыдовичу Гримму в первые же дни объявления войны, председательствуя на заседании совета профессоров Петербургского университета, провозгласить:

— За здоровье государя-императора, его императорского величества Николая II.

Это я прочел в кадетской газете «Речь», сидя в поезде по дороге в Гельсингфорс, куда я ехал на службу в Свеабургскую крепость, в артиллерию. Я несколько не удивился такому резкому переходу от титулования царя Николашкой к торжественному титулованию его государем-императором и его императорским величеством. Гримм с таким же усердием провозглашал тост за здоровье царя, незадолго перед этим желал удушения царя солдатами лейб-гвардии преображенского полка. Будущее поведение Гримма в качестве товарища министра просвещения при Деникине полностью убеждает в «искренности» его тоста за здоровье «Николашки» и в неискренности тоста за удушение того же Николашки. Блудословие кадетов было хорошо известно по университетской практике. Недаром старейший большевик Аполлонов всю профессуру Петербургского университета, всю сплошь именовал реакционной.

Тов. Аполлонов, неизменный председатель почти всех студенческих сходок в актовом зале Петербургского университета, возвращался к своему политическому тезису, который он выражал в следующих словах:

— Между реакционной профессурой и революционным студенчеством — бездна.

В этой бездне погибла вся кадетская партия, вся идеология буржуазной, с позволения сказать, демократии.

Но как ученый Эрвин Гримм в моих глазах стоял и продолжает стоять очень высоко. Его перу принадлежит ценнейший труд в двух томах по истории древнего Рима императорской эпохи. Кроме того в личном плане Эрвин Давыдович Гримм был в высшей степени симпатичный и сердечный человек, человек самого живого темперамента, как ректор, он был свободен от малейшего бюрократизма. Каждый студент, а их было до 9 тыс. в Петербургском университете, имел легкий доступ к Гримму, и Гримм всегда старался сделать для студента все, что было в его силах и возможностях. Пришел Гримм в высшей степени возбужденный. Едва владея собой, он рассказал мне, что кем-то, видимо военными властями, сделано распоряжение мобилизовать весь преподавательский состав Петербургского университета на окопные работы. Это более чем правдоподобно. Мне хорошо известно со слов Шахматова, что в Академии наук его наряжали уже в гораздо позднее время на ночные дежурства во дворе Академии наук в качестве подсобного рабочего на перевозку дров. В кооперативе Академии наук я слышал, как между сторожами шел разговор, что теперь надо бы попросту передуть или перерезать лодырей-ученых, «разных академиков и профессоров»: только зря хлеб переводят, не работая. У меня не было никаких оснований не поверить Э. Д. Гримму. И как всегда я зашагал к Анатолию Васильевичу Луначарскому. Гримм не пожелал разговаривать с Анатолием Васильевичем и остался перед входом в служебный кабинет Анатолия Васильевича. В крайнем возбуждении Гримм шагал взад и вперед, пока я не вышел к нему с резолюцией Анатолия Васильевича, полностью отменяющей распоряжение военных властей. Тогда это было просто. Верховным главнокомандующим всех советских войск был Николай Васильевич Крыленко, студент Санкт-Петербургского университета, мой ближайший товарищ по факультету и, в особенности, по совместной работе на протяжении почти трех лет³⁴. Добиться отмены распоряжения военных властей Анатолию Васильевичу и подавно ничего не стоило. Я не буду продолжать моего рассказа о посещениях и обращениях работников Петербургского университета. К этому я буду иметь случай еще вернуться.

Сейчас мне хочется отметить еще одну особенность при ознакомлении с делами, касающимися Петербургского университета в первые дни Великой Октябрьской революции. Ведь много делалось, как говорится, втихомолку, исподтишка. Общество и каждый отдельный гражданин знали казовую³⁵ сторону Петербургского университета. За все время моего обучения в университете (с 1906 по 1910 гг.) мне только раз пришлось столкнуться с одним секретным абсцессом. Секретарем по студенческим делам был некто Моисеев, человек

в высшей степени любезный, обходительный и бесконечно терпеливый. Буквально сотни и сотни студентов осаждали секретаря по студенческим делам Моисеева со своими просьбами и делами. В высшей степени терпеливо он выслушивал каждого. Его манера работы располагала к нему студенческие массы. К нему шли спокойно, не ожидая хамства и грубого окрика. Мягким и приветливым голосом давал Моисеев свои объяснения. Знал его буквально весь студенческий состав университета. И вдруг Моисеев исчез. Оказалось, что он секретный сотрудник департамента, полиции и охранного отделения, в чем-то себя скомпрометировавший в служебном положении. Вот он и должен был исчезнуть.

Второй известный мне случай касается студента Петербургского университета товарища Генриха, члена партии социалистов-революционеров. Товарищ Генрих — такова его партийная кличка — по фамилии Ризель в каникулярное время (зимой было дело) был найден на площадке актового зала университета около дверей церкви университетской мертвым. Полицейским протоколом и вскрытием было установлено, как сообщали газеты, что студент Ризель отравился цианистым калием. Стало известным, что были основания его заподозрить в тайных сношениях с департаментом полиции и охранным отделением. Замечу кстати, что в списке провокаторов, печатавшемся в первые дни февральской революции в газете «Речь», мне не попадалась фамилия студента Ризеля. Тогда как я совершенно неожиданно нашел имена студента Петербургского университета Шилейко (сына швейцара нашей Гельсингфорсской гимназии) и студентки Скульской. Последнюю я не раз встречал в самом фешенебельном обществе, где присутствовали родной дядя знаменитой Анны Вырубовой, любимой камер-фрейлины императрицы Александры Федоровны, барон Пистолькорс, контролер императорского двора Федоров, статс-секретарь Петр Осипович Морозов и другие великосветские «особы». Казалось бы, что студентке Скульской делать среди такой знати? Одним словом, один раз я слышал именно в присутствии Скульской, как впоследствии выяснилось платного провокатора охранного отделения, как барон Пистолькорс рассказывал, что императрица Александра Федоровна моется в бане с Гришкой Распутиным. Оказывается, даже в таком обществе Скульской нашлась бы работа.

Но в общем-то все знали только наружную сторону работы даже такого учреждения, как Петербургский университет. Каково было мое удивление, когда в мои руки достались непреложные свидетельства о другой стороне работы университета. Пришлось брать штурмом даже помещение департамента высшего учебного заведения бывшего царского министерства народного просвещения. Двери были заперты на замок. Все бывшие сотрудники в полном составе покинули министерство. Ключи унес с собой Заплатин, помощник директора департамента Паличека. За ним послали, но прок оказался, сколько помнится, не велик. Пришлось взламывать сейфы, столы, ящики. И вот в ящике письменного стола Паличека я обнаружил целую кучу великолепно изданных документов секретного осведомления. В одном документе давалась характеристика профессоров и преподавателей Петербургского

университета. Например, о профессоре Брауне сообщалось, что он двуличный, работает и вашим и нашим. С одной стороны его можно увидеть на всех панихидах по усопшим высокопоставленным лицам, причем он благочестиво держит свечу и усердно молится (хотя, наверное, был лютеранин, а потому не крестился). В то же время профессора Петербургского университета можно было постоянно видеть околачивающимся в приемных санкт-петербургского градоначальства. Он вечно просит и хлопочет о разных неблагонадежных и подозрительных студентах. Разумеется, характеристика была не в пользу Брауна с точки зрения властей «придержавших». Значит, такому человеку высшее начальство довериться не может. А ведь Браун был в одно время деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, а потом долгое время проректором университета. Я хорошо помню, как уговаривал Браун университетскую студенческую сходку разойтись. При этом он отнюдь не прибегал ни к каким застрашиваниям, угрозам, а прижимая руку к сердцу только повторял, умоляя сходку разойтись:

— Ведь вы же знаете профессора Брауна. Вы же знаете, что профессор Браун желает студентам только хорошего.

Возможно, что действуя так, Федор Александрович Браун, лично весьма обаятельный человек, был хорошо осведомлен «тайнственными путями», что в противном случае сходка будет разогнана полицейскими, и могут произойти кровавые столкновения, что и бывало в 1905 году, когда профессору Тарле³⁶ ударили саблей по голове.

В тайном осведомлении содержались весьма компрометирующие сведения. Например, про хорошо мне известного профессора Василия Васильевича Сиповского³⁷ сообщалось, что он желательный кандидат на занятие профессорской кафедры. Надо сказать, что Василий Васильевич Сиповский занимал в Петербургском университете должность приват-доцента, хотя уже в 1909 г. был удостоен ученого звания доктора филологических наук, защитив докторскую диссертацию чудовищных размеров: 2000 печатных страниц и притом по очень мало разработанной теме «История русского романа XVIII в.». Историей романа очень мало занимались. В качестве и публициста и дилетанта историей романа занимался знаменитый писатель Боборыкин. Но почти ничего не было сделано по части изучения русского романа оригинального и переводного XVIII в. Вообще научные заслуги Сиповского никогда не подлежали малейшему сомнению. Однако в тайном осведомлении ни слова не говорилось ни о каких научных заслугах В. В. Сиповского. К моему, признаться сказать, великому удивлению в качестве главной заслуги доктора русской словесности Сиповского выставлялось то обстоятельство, что его рекомендует графиня Клейнмихель. Конечно, «блат был великое дело и покровительство разных тетюшек и бабушек шло с давних времен». Но знал я это только лично по Грибоедову и по мемуарам, напечатанным в «Русском архиве» и в «Русской старине». Но чтобы «до моих лет» какая-то графиня Клейнмихель могла рекомендовать в профессора ученого, мне не приходило в голову. Этого я все-таки не знал. Я до

сих пор не знаю, кто такая графиня Клейнмихель. Я слышал, что она самый безнадежный политический мракобес, монархист высшего ранга, близкий ко двору. Но гораздо ближе ко двору был Гришка Распутин, и лучше было бы профессору, раз уж он искал блата, благословиться у Гришки Распутина. Я близко знал Сиповского, но он никогда ни одним словом не обмолвился, что знает какую-то графиню Клейнмихель.

Для меня внезапно открылось другое лицо Сиповского. Я окончательно понял, кто он и каков он после 1917 г. Также как и Grimm Сиповский окопался в добровольческой армии Деникина. Grimm был товарищем министра просвещения, а Сиповский — попечителем Закавказского учебного округа³⁸. Тогда дела были гораздо поважней: надо было установить живую связь со своими высшими школами.

Это была первая задача, а потому углубляться в изучение документов тайного осведомления было некогда. Но документы эти не мешает в архивах посмотреть, так как тогда станет совершенно ясной политика Советской власти — делать упор на создание своих пролетарских кадров ученых. Этим отдел высших учебных заведений и занимался.

Приступая к работе по осведомлению Музея Ленинградского университета, я считал нужным сделать несколько предварительных замечаний. Возможно, что следует в первую очередь заняться историей Великой Октябрьской революции в ее отражении среди научной интеллигенции. Университет занимал наравне с Академией наук ведущее положение и поэтому, естественно, надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета в дни Великой Октябрьской революции и в годы последующие. Мне лично хорошо известна та часть работы Ленинградского университета, которая связана с работой научного общества марксистов при Ленинградском университете³⁹. Работу эту я знаю хорошо, так как, начиная с 1920 г., когда я вернулся с фронта гражданской войны, и до 1931 г. я был в составе руководства научного общества марксистов. Практически вся работа протекала в стенах Ленинградского университета. Занятия общества проходили большей частью в залах совета профессоров, в помещении теперешнего филологического факультета. Лекции и доклады научного общества марксистов сначала проходили в зале бывшего Аничкова дворца, а затем в Актовом зале Ленинградского университета или в отдельных аудиториях университета.

Впрочем, я лично готов оказать содействие работникам университетского музея также и в отношении революционного периода 1905–1907 гг. (начиная с августа 1906 г.). Эту работу можно вести параллельно. Я нашел нелишним ознакомить руководящих работников Музея с той частью моего автобиографического романа, которая касается времени моего обучения в Ленинградском университете на историко-филологическом факультете на славяно-русском отделении. Чтобы понять «дух» того времени, может быть, не мешает войти в самые простые подробности также быта, так как он характеризует положение студенчества тех лет. Например, не последнюю роль играла даже столовая имени профессора Ореста Федоровича Миллера⁴⁰.

В этой столовой революционное студенчество часто вывешивало объявления о разных политических выступлениях и т. д. Словом, столовая служила не только бытовым пособием студенчеству, но и средством политической и общественной активности.

<...> В газетах ленинградских первых дней 17 года легко найти все, что относится к истории Ленинградского университета. Приведу несколько примеров, из которых видно, как реагировала так называемая «революционная демократия» на действие Советской власти в области народного образования и прежде всего в отношении Ленинградского университета.

В газете «Новая жизнь», издававшейся под редакцией Максима Горького и Василия Алексеевича Строева-Десницкого⁴¹, была помещена злопыхательская статья о действиях народного комиссариата просвещения в области науки. В статье писалось, что большевики разрушают высшую школу, творят всевозможные бесчинства и т. д...

Я ответил на эту статью довольно подробной заметкой в виде письма в редакцию. Я выразил удивление, что один из старейших большевиков В. А. Десницкий допускает в своей газете нелепые и злобные выпады против Советской власти, которая бережно относится к высшей школе, оберегает интересы науки.

<...> Если даже старейшие большевики, что называется, не выдержали и перешли на отвратительные оборонческие позиции, что же говорить об интеллигентских хлюпиках и тем более о разного рода ренегатах типа Войтинского⁴² и иных. Для меня вопрос о войне превратился в главный вопрос борьбы за Советскую власть летом 1917 г. В январе 1917 г. я был демобилизован по тяжелой болезни. Второго июля 1917 г. я поехал в Петербург и начал вести пропаганду за прекращение империалистической бойни: в Академии наук, в разных институтах, в Государственной Публичной библиотеке, в Петербургском университете, в книжной палате Министерства внутренних дел. Везде, где только можно, я пользовался малейшим случаем вести пропаганду против войны. Я считал это первым и основным вопросом, и поэтому я безоговорочно поддерживал все действия большевиков, направленные на свержение Временного правительства.

Месяца за два до Великой Октябрьской революции я часто встречался с тов. Николаем Васильевичем Крыленко, одним из лидеров большевистского движения в Петербургском университете, к голосу которого прислушивалось буквально все революционное студенчество. Я бесконечно любил и уважал тов. Абрама (партийная кличка Ник. Вас. Крыленко). Для меня он как-то символизировал могущество большевизма, его упорную волю к борьбе, его беседы, иногда совершенно случайного характера, например, в трамвае, воодушевляли меня на неустанную борьбу за прекращение империалистической бойни.

<...>

Мою борьбу за свержение, за окончание войны я повел еще усиленнее, встречая самое упорное сопротивление в кругах научной и литературной интеллигенции, которая целиком была на оборонческих позициях. <...>

Когда я вернулся [из Выборга], я получил приглашение от Луначарского прибыть к нему для беседы. Это было 8 декабря 1917 г. Оказывается, я еще 25 ноября был назначен правительственным комиссаром всех высших учебных заведений и научных заведений, а также комиссаром Академии наук. Я этого не знал, так как находился в отъезде в Выборге. Приведу в приложении выписки из моего дневника — он теперь хранится в отделе рукописей Института русской литературы — о моих беседах в Смольном со Свердловым, Володарским⁴³, Ник. Пет. Горбуновым⁴⁴, Луначарским, Стекловым. Дело состоялось без моего ведома. Видимо Николай Васильевич Крыленко, с которым я встречался именно в Смольном, в октябрьские дни рассказал В. И. Ленину и другим товарищам, что я хорошо знаю университетские дела. Ведь я три года с тов. Крыленко был представителем студенчества от историко-филологического факультета. И, конечно, меня знал весь университет, а я знал весь университет.

Итак, 8 декабря я приступил к новой работе. Кое-что я рассказал в моем автобиографическом романе. Но теперь я считаю нужным дополнить некоторыми документальными данными мой рассказ по памяти. Все эти документальные данные я постараюсь вписать с помощью университетского музея. А теперь я расскажу, что особенно характерно в отношениях наркомпроса с университетом.

Прежде всего характерно то, что ни один представитель студенчества Ленинградского университета не нашел нужным связаться с наркомпросом. Приходили студенты, например, психоневрологического института. Но от университета не пришел ни один студент. Мало того, когда я пришел в университет, чтобы прочесть доклад перед личным составом университета о политике Советской власти в области народного просвещения, то ни один студент, не говоря уже о профессорах, не пришел, хотя в газете было очень четкое объявление, что будет прочитан такой-то доклад Иваном Васильевичем Егоровым. Пришло 20–30 человек, сторожей, я и товарищ Немчинова. Замечу, что я постоянно вел беседы также и со сторожами и вообще знал их давным-давно, от того они и пришли послушать и имели терпение выслушать двухчасовой доклад о планах Советской власти в области высшего образования и вообще народного просвещения.

Я уже сказал в начале моих воспоминаний о связи Ленинградского университета с наркомпросом, что явились ректор Grimm, академик Шахматов, профессор Браун, профессор Гревс, профессор Булич. Но это было в плане чисто личных отношений. Десятки лет спустя, знаменитый знаток книг Федор Григорьевич Шилов⁴⁵ мне сказал:

— Иван Васильевич, ведь мы все до одного знаем и помним, как хорошо Вы отнеслись к научной интеллигенции. Мы все Вам благодарны за помощь Вашу ученым.

В письменном тексте его книги кое-что сказано обо мне, выброшенный редактором текст хранится (два огромных тома на машинке)⁴⁶. Стоит посмотреть, что написал Федор Григорьевич Шилов о моем отношении к научной интеллигенции.

Также в личном плане откликнулись на мой призыв работать с Советской властью несколько человек молодых научных работников, аспирантов Ленинградского университета. Я напечатал в «Правде» и в других газетах на первой странице объявление, что в народном комиссариате просвещения состоится собрание молодых научных работников по вопросу организации научной работы университета и других высших школ. И вот откликнулось несколько человек из сотен научных работников. Это были хорошо мне известные Эйхенбаум⁴⁷, Гофман⁴⁸ и другие молодые научные работники, впоследствии известные ученые и писатели. Просто они все меня знали, доверяли и не боялись придти: пойдём послушаем, что там будет толковаться о науке. Но о связях с массами не могло быть и речи при таких обстоятельствах. Стали приходиться одиночки. Как не обидно, от университета или, вернее, не университета пришел знаменитый черносотенец Борис Никольский⁴⁹ и просил дать ему работу библиотекаря. Пришел профессор Семен Афанасьевич Венгеров⁵⁰. Но он пришел не от университета, а от книжной палаты, как директор книжной палаты. Постепенно я пришел к заключению, что по настоящему связь может установиться совсем иным путем. Нельзя было полагаться на скорое массовое приобщение буржуазной интеллигенции к работе с Советской властью и для Советской власти. Но нужно было подумать о создании кадров своей пролетарской научной интеллигенции и начать с азов. Я составил очень подробную записку на имя народного комиссара просвещения Луначарского. В этой записке я выразил именно ту мысль, просто открыть двери для рабочих недостаточно, рабочие не располагают достаточными знаниями, не могут заниматься с пользой для себя. Надо дать возможность рабочим в короткий срок получить начальное и среднее образование. Для этого нужно повсеместно открыть при университете и других вузах подготовительные курсы, где все желающие рабочие могут бесплатно учиться и по окончании курса поступить в университет и в другие высшие учебные заведения.

Я надеюсь, что эту записку можно будет нетрудно найти в личном архиве Ан. Вас. Луначарского или фондах народного комиссариата просвещения государственного архива. Записка очень обстоятельная и отлично оформлена. Вскоре после того тов. Покровским⁵¹, бывшим после меня правительственным комиссаром высших учебных заведений (вернее после гибели Павла Карловича Шейнберга⁵², потонувшего во время боя в Сибири) были предложены рабочие факультеты. На них именно велась та самая работа, которую я посоветовал Луначарскому поставить на подготовительных курсах. Кстати замечу, что это же самое я предложил в Военно-Морском Флоте. Там тоже был поставлен вопрос, чтобы матросы поступали в высшие морские заведения. Я отлично понимал, что они не могут учиться, если не получают настоящей подготовки. Поэтому я предложил Ив. Дав. Сладкову народному комиссару Военно-Морского Флота Союза открыть подготовительные училища. Оно и было открыто в 1920 г. в помещении бывшего гвардейского экипажа. И сотни тысяч матросов пошли в такие подготовительные училища и курсы. И многие из них теперь — советские адмиралы и капитаны первого ранга.

Эта простая мысль отнюдь не сразу усваивалась, как-то раздражало, почему рабочие не могут пойти в университет, сесть и слушать лекции. Более того, такой образованный человек, как старейший большевик Вера Михайловна Бонч-Бруевич (Величина)⁵³ понесла, извиняюсь за выражение, невозможную ахинею, что можно без экзамена медицинским студентам выдавать дипломы врачей. Когда я ей доказывал в присутствии фельдшеров, которые требовали себе дипломы, что надо иметь знания и медицинскую практику, то она смотрела на меня подозрительно как на старый режим. Тем не менее я настоял, что диплом врача выдается только по выдержании всех экзаменов. О чем и был издан декрет Советской власти. Необходимо этот декрет найти и поместить его в копии на экспозиции музея, так как он представляет собой приоритет. Трудно представить себе, чтобы образованный человек, писатель, врач Вера Михайловна Величина считала, что не надо требовать для диплома проверки знаний. К сожалению, много ошибок было сделано благодаря горячке первых дней. Пользуюсь случаем подчеркнуть, что здоровую линию во всех основных вопросах народного образования вела Надежда Константиновна Крупская, правительственный комиссар по внешкольным учреждениям и Анатолий Васильевич Луначарский. Стоит опубликовать протоколы государственной комиссии по народному просвещению. Любопытно проследить прения, носившие подчас совершенно экзотический характер. Пришлось открывать совершенно азбучные истины и вовсе не потому, что люди были малограмотные. Государственная комиссия состояла исключительно из интеллигентов высшей марки. Но увлекала фраза красноречия. Особенно любил разговаривать Виктор Карлович Познер⁵⁴. Признаюсь теперь, спустя десятки лет, что я побаивался его красноречия. Интересовала Познера форма, вернее отмена формы. В протоколах мы найдем торжественное объявление, что отменяются выпушки, штампованные пуговицы и т. д. Сколько помню, это по поводу редакции мероприятий Рижского учебного округа. Спустя много лет опять появились в средних школах штампованные пуговицы и канты к огорчению В. К. Познера. А боялся Познера не только я, но и сам В. И. Ленин. В одном письме к Надежде Константиновне Владимир Ильич Ленин по поводу вопроса — кому быть народным комиссаром во время отпуска Луначарского — писал Н. К. Крупской: — только не Познера. Я обрадовался, что Владимир Ильич также был невысокого мнения о разглагольствованиях Познера.

Конечно, можно найти в документах того времени всякие чисто деловые сношения университета с отделом высших учебных заведений. На этот счет дело никогда не останавливалось. У нас в отделе высших учебных заведений с первых же дней появились «служачки». Я о них пишу в моих воспоминаниях, и теперь скажу, что пришли очень неважные, так как важные не шли в первое время. Например, у нас был поп Растрига: деликатный именуется⁵⁵, сложивший священнический сан. Пришел юнкер Инженерного училища, сухой, черствый, гадкий буквоед, но знавший всякую писанину и любивший телефонные звонки. За этим дело не стало. Очень аккуратно являлись получать всякого рода командировки,

направления, за три с половиной месяца, что я был в должности правительственного комиссара — я отправился добровольцем на фронт и был начальником штаба всех войск против чехословаков — сотни и сотни профессоров, служащих. Мы вели списки, нарочно записывали всех, кто приходил. К концу рабочего дня получалась целая тетрадь явившихся за какими-нибудь делами. Приходили и прожекторы всякого рода. Перферкович⁵⁶ считал, что важно еще раз перевести талмуд на русский язык. Зачем это нужно, известно только было Перферковичу. Пришел обеспокоенный профессор Салазкин⁵⁷, директор Женского медицинского института. Он спрашивал, правда ли говорят сторожа, что они не обязаны теперь работать, а будут работать только тогда, когда захотят. Коли захотят, то будут обслуживать Женский медицинский институт. Салазкин очень удивился, когда ему сказали, что всякий должен исполнять свою работу безотказно, в том числе сторожа, дворники, полотеры, медицинские сестры, санитары и все, кто работает в Женском медицинском институте.

Такие пустяки и глупости приходилось объяснять обеспокоенным буржуазным ученым. Гораздо приятнее вспоминать серьезные заботы ученых о положении высшей школы. Таков был Бехтерев⁵⁸, знаменитый врач психиатр. Он заботился о своем психоневрологическом институте и десятки раз приходил хлопотать за студентов, за восстановление всей работы своего высшего учебного заведения. Отсылаю работников музея, читателей к моим воспоминаниям и нахожу достаточным сказанное, чтобы понять, в каком хаотическом состоянии находилось дело в отношении Ленинградского университета. Дело шло как-то самотеком.

О настоящей работе можно говорить гораздо позднее, когда партийная организация, партийные работники пришли к заключению, что необходимо создать прочные кадры подлинно советской профессуры. Заслуга в создании таких советских кадров в первую очередь принадлежит двум выдающимся ученым и писателям: профессору Михаилу Андреевичу Рейснеру⁵⁹ и Михаилу Константиновичу Лемке⁶⁰, выдающемуся историку общественного движения и общественной мысли. Прежде всего при содействии партийной организации удалось создать объединение нескольких десятков марксистски мыслящих и прогрессивных ученых. Было организовано общество красной профессуры. В него вошли, помимо названных ученых Рейснера и Лемке, следующие: Вас. Алекс. Лесницкий⁶¹ — старейший член большевистской партии, впоследствии покинувший ее ряды, Мих. Вас. Серебряков⁶² (старый член партии), профессор Драницын⁶³, профессор Давидов-Борисов⁶⁴ и т. д. Списки легко найти в архивных делах. Заслуга этого общества состояла в том, что оно вело весьма деятельную пропаганду среди самых широких масс ученых и студенчества. Я состоял в руководящем активе этого общества и потому с полной ответственностью подчеркиваю огромное значение работы этого общества по отношению к Ленинградскому университету.

Но еще важнее работа научного общества марксистов при Ленинградском университете. Но о работе этого общества я считаю нужным сообщить обстоятельно и показать его значение для работы Ленинградского университета.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ С 1920 по 1931 гг.

Недолго пришлось заниматься мирным строительством. 18 февраля немецкая военщина двинула свои агрессивные силы на Петроград. Армия генерала Гофмана перешла в наступление от Пскова на Петроград. Положение было в высшей степени серьезное. Когда спросили зам. народного комиссара просвещения тов. Григория Давидовича Закса⁶⁵, как он оценивает создавшееся положение, он ответил:

— Авось, кривая вывезет.

Но никогда «авось» и «кривая» не спасали положение.

Я вступил в Красную Армию, сделав заявление о добровольном своем вступлении в конце февраля во всероссийскую коллегия по формированию Красной Армии, и 6 марта отправился в должности инструктора армии в Западную Сибирь, в город Омск. С 6-го марта 1918 г. по 12 мая 1920 г. я был на разных фронтах.

Как только я вернулся в Ленинград, я прежде всего навестил Ленинградский университет. У меня было с собой письмо профессора Ивана Ивановича Гливенко, бывшего доцента Ленинградского университета и важного чиновника в Министерстве народного просвещения при графе Игнатъеве. В Министерстве народного просвещения Гливенко при Игнатъеве руководил всей средней царской школой. Он был так популярен, что о нем писались статьи в газетах под заглавием «Иван Иванович». Вот этот самый Иван Иванович просил меня навестить в Ленинградском университете товарища своего по преподаванию на романо-германском отделении и профессора Дмитрия Константиновича Петрова⁶⁶, величайшего знатока старинного испанского театра и испанской классической драматургии. Петрову принадлежат замечательные труды по исследованию творчества Лопе де Вега и Кальдерона. Когда я передал Дмитрию Константиновичу письмо Ивана Ивановича Гливенко, профессора Харьковского университета по романо-германскому отделению историко-филологического факультета, Петров саркастически усмехнулся по поводу просьбы И. И. Гливенко. Меня он принял с истинной испанской вежливостью. Но прочитав письмо и небрежно сунув его в карман, Петров сказал:

— Передайте Гливенко, что об этом надо спросить т о в а р и щ е й⁶⁷ с Казанской, № 7⁶⁸.

Петров вложил такую интонацию в слово «товарищи», по которой можно было видеть, что он считает более легким разговор с Соловьем-разбойником, чем с кем-то бы не было. Для него товарищи с Казанской, № 7 — Лилина⁶⁹, Лазуркина⁷⁰ и прочие товарищи — были явно не подходящими собеседниками.

Мне стало ясно, что положение в Ленинградском университете по сравнению с первыми днями 1917 г. мало чем изменилось. Это было вполне понятно. Своими партийными силами Ленинградский университет не располагал, а основные кадры партийной организации Ленинграда были в большинстве брошены на военную работу. Ведь и летом 1920 г. развернулись

очень острые военные действия против наступавшей панской Польши, против пилсудчиков, против руководителей Польши, французских империалистов под командованием генерала Жанен. Не могло быть и речи о том, чтобы выделить для работы в Ленинградском университете хотя бы малые партийные силы. Поэтому надо было искать новые средства организации дела, чтобы помочь Ленинградскому университету выйти из застоя, из тупика. В это время закончились боевые действия на Волге.

В военных операциях флота на Волге принимал самое деятельное участие один из старейших большевиков Михаил Андреевич Рейснер (член партии с 1905 г.). Рейснер был в высшей степени активный человек, высокоталантливый, человек глубоких знаний и постоянно бодрой инициативы. Профессора Рейснера я знал давно. Михаил Андреевич Рейснер искал меня через политическое правление Балтийского флота, где я вел активную работу почти сразу же после приезда. В фондах Публичной библиотеки, вероятно, сохранилось письмо Рейснера, в котором он приглашает меня через руководство флота принять участие в политической работе в Ленинграде. Как только я встретился с Рейснером, я полностью разделил его точку зрения о необходимости объединения всех прогрессивных научных сил Ленинграда, чтобы помочь Ленинградскому университету организовать работу по-новому, по-советски.

Самое деятельное участие в работе принимал в высшей степени энергичный, ученый и литературный работник Михаил Константинович Лемке. По предложению Рейснера и Лемке было решено организовать группу красной профессуры, в которую следовало включить всех, кто готов активно содействовать Советской власти, поставить дело в Ленинградском университете, во всех школах Ленинграда. Дело довольно быстро стало разворачиваться, когда к работе примкнул один из старейших большевиков Михаил Васильевич Серебряков (впоследствии ректор Ленинградского университета, тогда главный редактор газеты «Красный Балтийский флот» — орган политического управления Балтийского флота).

К работе примкнули профессор Ленинградского университета по кафедре политической экономии Владимир Владимирович Святловский⁷¹, профессор истории Николай Александрович Рожков⁷² — один из старейших членов партии большевиков, в 1920 г. вышедших из партии большевиков, но горячо поддерживавших начинания группы красной профессуры; профессор Василий Алексеевич Десницкий-Строев — тоже один из старейших большевиков России; Николай Севастьянович Державин⁷³ — впоследствии академик по разряду славянских наречий, а тогда профессор Ленинградского университета. <...>

Группа красной профессуры развернула в высшей степени активную пропагандистскую работу; во всех учебных заведениях и в первую очередь в Ленинградском университете стали проводиться доклады и лекции по вопросам строительства высшей школы в Советском Союзе. Очень энергично выступал со своими докладами превосходный оратор Мих<аил> Кон<стантинович> Лемке.

Но истина требует отметить, что не смотря на превосходный ораторский талант Лемке, успех даже его высококвалифицированных выступлений был более чем скромнен. Мне довелось присутствовать в качестве слушателя на блестящем докладе Мих<аила> Кон<стантиновича> Лемке в клубе латвийского объединения, в помещении бывшего старинного театра на Галерной улице (была переименована в улицу Красную). Я стоял в задних рядах и слышал в самых патетических местах превосходного выступления Лемке, как один из старых ученых с раздражением сказал своему соседу, также старому ученому:

— Фельдфебель приносит клятву на верность.

Надо сказать, что фигура Лемке в высшей степени импонировала — это была поистине воинственная фигура. Его зычный голос, в самом деле, напоминал новый призыв. А злобная реплика бывшего буржуазного ученого метила именно на то, чтобы дискредитировать манеру выступления Лемке.

Надо, в самом деле, признать, что просто красноречивое обращение, призывы к чувству были как-то мало убедительны для ученых, которые привыкли скорее к рассуждению, чем к чувству. Чисто эмоциональное воздействие, на которое могли рассчитывать выступления группы красной профессуры, вряд ли долго могло оказывать убедительное действие на массы ученых. Массы ученых примыкали к бывшему дворцу великого князя Владимира Александровича⁷⁴. Там было организовано бытовое обслуживание ученых. Уже тогда в Ленинграде насчитывалось 13 тыс. научных работников, судя по сборнику Академии наук «Научные работники Ленинграда».

Спешу отметить, что в сборник попало без достаточных оснований большое количество «научных работников» по признаку их административной принадлежности. Так, например, туда попали руководители бесчисленных научных учреждений, которые тогда росли как грибы, тогда как подлинно научных работников отнюдь не хватало, то иногда должность начальника научного учреждения занимал вовсе неквалифицированный работник.

В названном мною сборнике значится фамилия Андрея Степановича Штарева, начальника Центрального Военно-Морского музея. Это был в своем роде знаменитый во флоте человек. Весь офицерский состав Балтийского флота трепетал перед Андреем Степановичем Штаревым, который отличался величайшей непримиримостью к старому офицерству. Он был секретарем Центрального комитета Балтийского флота знаменитого Центробалта, которому В. И. Ленин давал поручения самого боевого характера. Андрей Степанович в должности секретаря Центробалта фиксировал в постановлениях Комитета указания В. И. Ленина. И в этом, конечно, неоспоримая заслуга покойного А. С. Штарева. Но что касается научной квалификации, то о ней не приходится говорить. Образование Штарева было начальное: он кончил начальную школу во флоте, а должность его на линейном корабле «Андрей Первозванный» была боцманмат, т. е. Андрей Степанович принадлежал к составу музыкантской команды линейного корабля «Андрея Первозванного». Поэтому излишне говорить

о том, что он попал в сборник Академии наук не потому, что он был боцманматом флота, а потому только, что занимал должность начальника Военно-Морского музея, так как капитан первого ранга Попов, бывший начальник музея, не подходил к этой должности по признаку политической неблагонадежности. Таких в сборнике немало. Тем не менее, тысячи и тысячи научных работников состояли на бытовом обслуживании и довольствии во дворце бывшего великого князя Владимира Александровича. Великая заслуга Горького состоит в том, что он исходатайствовал у Ленина о правильном продовольственном снабжении ученых Ленинграда. В то же время массы ученых отнюдь не спешили примкнуть к политической линии Советского правительства и активно содействовать строительству высшей школы.

На одном из заседаний членов красной профессуры профессор Рейснер выразился следующим образом:

— На Большой Миллионной происходит кормление зверей.

Рейснер хотел сказать, что ученые на Большой Миллионной втихомолку не только ворчат против непорядков, но и рычат.

Переименование группы красной профессуры в группу левой профессуры по существу не внесло никаких изменений. Замечу, что кроме пропагандистской работы в группе красной и левой профессуры было поручено давать рекомендации ученым на выдвижение их на преподавание и на административные должности как в Ленинградском университете, так и в других высших учебных заведениях Ленинграда. Справедливо стоит отметить, что подобные рекомендации шли тоже с кондачка, немногим лучше, чем назначение боцманмата Штарева на должность Центрального Военно-Морского Музея.

Приведу только один пример, чтобы пояснить мою мысль. В зале заседания совета профессоров Ленинградского университета шло деятельное обсуждение кандидатур на выдвижение в академики. Мне довелось обсуждать совместно с Николаем Севастьяновичем Державиным кем-то выдвинутую кандидатуру доктора исторической словесности, величайшего знатока русской литературы XVIII в., бывшего доцента Санкт-Петербургского университета и доктора русской словесности Василия Васильевича Сиповского. Я его отлично знал с 1909 года. Мне хорошо было известно, что Василий Васильевич Сиповский занимал «в царстве генерала Деникина» должность попечителя Закавказского учебного округа. Я тогда считал и теперь считаю, что ученые должны не только в совершенстве знать свою науку, но и быть политически грамотными. По моей тогдашней и теперешней точке зрения это означало — в совершенстве владеть методами марксизма-ленинизма в деле исследований в области своей научной дисциплины. Но на этот счет Вас<илий> Вас<ильевич> Сиповский вряд ли отвечал требованиям, которые вправе предъявить Советская власть любому научному работнику, тем более члену Академии наук. Николай Севастьянович Державин по «мягкости характера» и по душевной доброте старался мне внушить, что профессор Сиповский как нельзя больше подойдет в качестве кандидата в члены Академии наук по разряду русской

словесности. Я на этот счет держался прямо обратного взгляда. Я считал, что вчерашнему попечителю Кавказского округа у палача народа генерала Деникина не мешает сначала подучиться политически, организовать свое мышление по-новому, на что профессору Сиповскому понадобился бы не один день. Поэтому, не смотря на старинное знакомство с профессором Сиповским, я решительно возражал против кандидатуры в академики профессора Сиповского. И профессору Державину, члену красной профессуры пришлось волей-неволей согласиться и отказаться от кандидатуры в академики профессора Сиповского. Тут же замечу, что Сиповский так и никогда не попал в академики, хотя он, несомненно, обладал превосходными данными как знаток русской литературы XVIII в.

В 1930 г. академик Берков Павел Наумович, профессор Василий Алексеевич Десницкий-Строев и профессор Николай Кирович Козьмин организовали посмертное чествование памяти Сиповского, скончавшегося в 1930 г. Чествование оказалось очень странным. Козьмин в своем докладе сетовал, что Сиповский оказался неудачником и так никогда не занял выдающейся административно-научной должности, а профессор Десницкий доказывал, что Сиповский во всех своих трудах всегда ошибался.

Ко всему этому я должен напомнить сказанное мною уже прежде. Я немало был изумлен, когда, вступив в должность правительственного комиссара высших учебных заведений и ученых заведений, я нашел список рекомендаций ученых, и там оказалось, что профессор Сиповский рекомендован реакционной нимфой Эгерией графиней Клейнмихель на должность профессора начальника кафедры. Это была худшая рекомендация Сиповского в советские академики.

Работа группы красной профессуры, затем советской профессуры довольно быстро убедила меня и других товарищей в необходимости перестроить работу среди ученых. Ученым нужно было, прежде всего, помочь изучать марксизм-ленинизм. Если рядовые советские работники с самого начала знакомились с вопросами марксизма-ленинизма, тем подавнее надлежало ученым по-настоящему изучать марксизм-ленинизм.

В том же 1920 г., кроме научной и литературной работы, мне пришлось руководить всем делом обучения Военно-Морского Флота. Пришлось организовать дело подготовки командных кадров Советского Военно-Морского Флота. С августа 1920 г. я был назначен высшим военно-морским командованием заместителем начальника политического управления советского флота. Начальником был старейший большевик Эдуард Эдуардович Эссен, член партии с 1897 г., один из ближайших учеников и соратников В. И. Ленина второй половины 90-х годов. <...>

Первое что я сделал — пригласил всех профессоров Военно-Морской академии, Военно-Морского Инженерного училища и других высших военно-морских школ присутствовать на занятиях кружка по изучению марксизма-ленинизма при политическом отделе управления военно-морских учебных заведений. На этих же занятиях наряду с большими

учеными, специалистами военно-морского дела, например, рядом с начальником Военно-Морской Академии, профессором и писателем Борисом Борисовичем Жерве сидели и обучались марксизму письмоводители и другие канцелярские работники политического отдела военно-морских заведений. У меня сохранились объявления и афиши о занятиях кружка марксизма 1920 г. Если военные моряки усердно изучали марксизм во всех военно-морских школах как в высших, так и в начальных, то подавно следовало изучать марксизм ученым.

Эту простую мысль я предложил группе красной, а потом левой профессуры. В 1920 году начало свои занятия общество, называвшееся «Научное общество марксистов». Оно было организовано бывшими студентами социал-демократами Ленинградского университета Котиком, Щупаком, Сергеем Валерьяновичем Вознесенским⁷⁵, видным профессором русской истории, и другими товарищами. С. В. Вознесенский пригласил меня вступить в члены Научного общества марксистов. Я тогда неохотно вступил в члены общества. Через некоторое время к руководству Научного общества марксистов был привлечен Михаил Васильевич Серебряков, который руководил обществом с осени 1920 г. по 1 января 1931 г. По постановлению общества я через самое короткое время был избран ученым секретарем Научного общества марксистов. Был образован президиум общества тогда же, осенью 1920 г., в составе председателя профессора Мих<аила> Вас<ильевича> Серебрякова, профессора Борисова-Давыдова Осипа Александровича, автора ученых работ по философии и по экономическим вопросам, профессора Сергея Валерьяновича Вознесенского и ряда других научных работников.

Все свои занятия президиум и общее собрание членов Научного общества марксистов проводили в стенах Ленинградского университета. Занятия происходили регулярно каждую неделю, происходили они преимущественно в зале заседания совета профессоров. Само место, положение Научного общества марксистов содействовало контакту с массами научных работников Ленинградского университета. И через некоторое время благодаря энергичной научно-пропагандистской работе общества состав членов достиг нескольких сот человек. Работа общества была разбита на секции по темам занятий и по научным специализациям. Был образован целый ряд секций, считая в том же числе секции математических и естественных наук.

Не буду подробно излагать историю работы Научного общества марксистов, так как именно по этому вопросу имеется большое количество документальных данных. Их легко найти в архивах Ленинграда, в библиотеке университета, Академии наук и в других научных библиотеках. Лучше всего будет изложить работу Научного общества марксистов по данным документальным. В первую очередь надо широко использовать научный журнал общества «Записки научного общества марксистов». Может быть, было бы полезно поручить молодым научным работникам исторического факультета и других разрядов университета сделать краткие обзоры научных работ, помещенных за много лет в «Записках научного

общества марксистов». К стати сказать, в журнале регулярно помещались отчеты о работе секции чуть ли не каждый год. Кроме того лично и в ряде научных журналов давал информацию о работе секции литературы и искусства, начиная с 1927 г. до января 1931 г. Поэтому нет смысла повторяться, а достаточно сделать некоторые выдержки из названных итоговых обзоров и обзорных статей в журналах. Стоит также, может быть, сделать снимки с афиш Научного общества марксистов. В них обычно объявлялись место и темы лекций и докладов Научного общества марксистов. большей частью лекции, доклады проходили в актовом зале Ленинградского университета и в разных аудиториях университета. В настоящем обзоре я ограничусь только следующим. За десять лет регулярной, неустанной работы Научного общества марксистов удалось пробить брешь. Авторитетность выступлений и секционных работ общества постепенно убедила массы ученых работников Ленинграда в необходимости приобщиться не только политически, но стать сознательными сторонниками марксистского мировоззрения в области науки.

Большая заслуга в этой работе принадлежит покойному Михаилу Васильевичу Серебрякову — председателю Научного общества марксистов. Он обладал в высокой степени тактом руководителя. Он в высшей степени терпимо и объективно подходил к работе и старался всячески облегчить приобщение адептов марксизма из среды ученых. Это была поистине огромная организационная и пропагандистская работа, а ведь выступления общества проходили в цитадели научного и философского идеализма — в Ленинградском университете. Ленинградский университет был не только крепостью буржуазного либерального политического мировоззрения, но и прежде всего идеализма.

В университете с давних времен работали такие столпы философского идеализма как в высшей степени талантливый мыслитель Владимир Соловьев. Его портрет «украшал» стену университета. Этот столп философского идеализма знаменовал собой всю постановку философского образования студенчества. Как студент историко-филологического факультета с 1906 г. (до 1910 г.) я должен подтвердить, что буквально стены ломались от желающих послушать лекции Александра Ивановича Введенского — руководителя кафедры философии и всего философского разряда историко-филологического факультета. Огромная пятая аудитория была сплошь битком набита студентами Ленинградского университета и слушательницами Женских бестужевских курсов. Аудитория едва вмещала всех желавших послушать очередную лекцию о руководителе неокантианского движения в философских кругах. Слушателей собралось так много, что сидели на подоконниках и на подступах к кафедре. Еще задолго до прихода А. И. Введенского аудитория с нетерпением ждала его. И как только в дверях появлялась суховатая фигура Введенского, огромная аудитория разражалась громом аплодисментов. Затем начиналась двухчасовая пропаганда неокантианства. Все время, каких бы вопросов не касалась лекция: были ли это лекция по вопросам логики в связи с теорией познания, а сама теория познания излагалась в неокантианском духе. Если это

была лекция по психологии, то вопрос освещался все так же в духе неокантианства. Введенский превосходно и в то же время с величайшей простотой излагал любой вопрос психологии, истории древней, средневековой истории, новой философии и всегда в духе неокантианства. Введенский в совершенстве владел методологией неокантианства.

Через такую философскую школу прошли тысячи и тысячи студентов. Нужно ли удивляться, что к 1917 г. студенческие массы прошли весьма солидную школу философского идеализма. Кроме Введенского вся остальная группа профессоров философии целиком стояла на позициях чистейшего идеализма. В мои времена кроме Введенского читали лекции по истории философии профессор Николай Онуфриевич Лосский⁷⁶, профессор Иван Иванович Лапшин, профессор Александр Иванович Гребенкин, профессор Александр Петрович Нечаев. Н. О. Лосский даже для Введенского уже казался сверх идеалистом. Лосский был представителем в России философского идеализма Бергсона, который усиленно проповедовался в французских философских кругах. Это была высшая премудрость интуитивизма и ...

На экзамене у Введенского, вульгаризируя философскую позицию Лосского, он спросил меня: — «Кто в дырочку подглядел непознаваемое?» Я был ошеломлен такой постановкой вопроса и не сразу нашел, что ответить. Тогда, подмигивая мне, Введенский показал пальцем на Лосского и сказал:

— Вот, кто подглядел непознаваемое.

А. П. Нечаев, читавший курс психологии, уже казался Введенскому еретиком, так как ставил изучение психологии на экспериментальную ногу. Введенский написал даже брошюру под названием «Об экспериментальной дидактике А. П. Нечаева». Эта брошюра продавалась сторожами при входе в университетскую шинельную. Она лежала стопками на подоконнике. Мало того, что философы немецкой идеалистической школы начала XIX в. были вполне абстракты, но и мало доступны уже по самой своей философской терминологии. Лосский, Лапшин, Гребенкин, излагая философские системы Гегеля, Фихте, Шеллинга и иных прочих, становились абсолютно заумными. Можно себе представить, как выворачивались мозги в такой философской обработке.

И вот в такой обстановке предстояло изложить философию материализма: Маркса, Энгельса и Ленина. Научное общество марксистов блестяще справилось с задачей — ознакомить всех желающих ученых и студентов с философией материализма. Десять лет И. А. Борисов-Давыдов, М. В. Серебряков и другие товарищи вели пропагандистскую работу по вопросам философского перевоспитания студенчества да и ученых.

Неведение марксизма было поистине всеобщим. И наряду с начинающим студентом старые маститые ученые были также новичками в деле изучения марксизма. Заслуга Научного общества марксистов состоит именно в том, что даже такие ученые, как знаменитый биолог Ухтомский⁷⁷ охотно изучали вопросы философии марксизма.

Десятилетняя работа Научного общества марксистов в стенах Ленинградского университета имела своим последствием то, что постепенно стали выдвигаться новые молодые кадры ученых марксистского направления. Я приведу только некоторые примеры, чтобы мысль моя стала яснее.

В разряде литературы и искусства Научного общества марксистов я предложил темы по изучению марксистских журналов 90-х годов. Ряд молодых научных работников охотно откликнулся на предложенные темы. Молодые научные работники, студенты высших государственных курсов искусствоведения, а затем университета А. Л. Дымшиц и Вл<адимир> Мих<айлович> Абрамкин взяли предложенную мною тему по изучению истории журнала «Начало».

Оба товарища прекрасно справились с названной темой. Сначала они напечатали свою работу в нескольких номерах журнала «Красная летопись», орган Института истории партии. А затем, после того как кончилось печатание их работы в названном журнале, они собрали свои статьи и выпустили отдельной книгой историю журнала «Начало».

По вопросам языкознания работал молодой научный работник Волошинов⁷⁸. Он является автором книги по вопросам языкознания. Книге этой, конечно, недостает подлинного знания и овладения марксистской методологией. Но автор, во всяком случае, пытался воспользоваться приемами марксистского исследования.

Ученый и литератор Павел Николаевич Медведев⁷⁹ написал и выпустил в свет книгу под названием «Формальный метод в литературоведении». В этой своей книге Медведев дал марксистскую критику так называемого формализма, формального метода в литературоведении как определенной идеалистической методологии истории литературы.

Покойный ученый и писатель Еремей Йозевич Иоффе⁸⁰ выпустил талантливую большую книгу по вопросам марксистского метода в искусствоведении.

Оскар Эдуардович Волценбург проделал колоссальную работу по изучению истории живописи и других видов изобразительного искусства в России. Тов. Воценбург, ныне здравствующий, продолжает работу над названной темой, которую начал еще в бытность свою членом Научного общества марксистов. Я не буду больше приводить примеров, так как они изложены мною в статьях, опубликованных мною в разных научных журналах (я приведу их список особо).

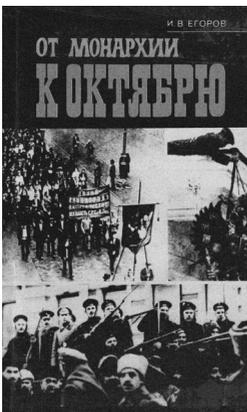
Таким образом, была начата работа по преобразованию научно-преподавательской работы в университете. Она касалась буквально всех факультетов, считаю в том числе преподавание и научное исследование вопросов математики.

Сейчас преподавание как в Ленинградском университете, так и в иной любой высшей школе Советского Союза, преподавание и научное исследование немислимо в отрыве от методологии марксизма. Но тогда эта работа была внове. И заслуга Научного общества марксистов именно в том и состоит, что оно положило почин в этой работе.

Одновременно с этим шла перестройка всей работы по руководству Ленинградским университетом с помощью укрепления партийной организации. Именно партийной организации университета принадлежит величайшая заслуга в том, что Ленинградский университет целиком перешел на позиции не только «совместной работы», но и полностью перешел на советские позиции. Эта перестройка также далась нелегко. Когда впервые университетское руководство возглавил старейший большевик Михаил Васильевич Серебряков, то в английских газетах появились известия, что начальником Ленинградского университета стал какой-то малограмотный матрос.

Всякий, кто знает и помнит покойного М. В. Серебрякова, только усмехнется такой информации английской газеты. Тысячи работников Ленинградского университета знают и помнят Михаила Васильевича. Мне достаточно приложить к настоящим моим замечаниям мой очерк, посвященный рассказу о старом большевике Мих<аиле> Вас<ильевиче> Серебрякове. Я его знал и работал с ним день за днем, начиная с 1920 до января 1931 г. Конечно, и впоследствии я встречался с Михаилом Васильевичем, и мне приятно сообщить работникам музея и другим товарищам все, что я знал о покойном Мих<аиле> Вас<ильевиче> Серебрякове. Он бесконечно много сделал для перевоспитания в советском духе основных кадров университета. Много сделали также академик Державин, Томашевский, старый член партии⁸¹ и другие товарищи. <...>

Архив музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 405. Л. 1–45.

И. В. Егоров
«От монархии к Октябрю.
Воспоминания»

¹ Немчинова Татьяна Иеронимовна (1890–1974), литератор, журналист. О ней: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. Т. 2. Российская Публичная библиотека — Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, 1918–1930. СПб., 1999.

² Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931), писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.

³ Егоров И. В. От монархии к Октябрю. Воспоминания / Научн. ред. В. И. Старцев. Л., 1980. С. 168.

⁴ Г. В. Михеева, публикуя подборку документов о событиях в Книжной палате в связи с октябрьским переворотом 1917 г., отмечает, что «установить, состоялось ли действительно назначение правительственным комиссаром Егорова, ни по ЦГАЛИ СПб, ни на основании личного фонда И. В. Егорова и его жены Т. Д. Немчиновой (Хрусталева), который хранится в Доме Плеханова (ОР ГПБ. Ф.273. И. В. Егоров), не удалось». См.: Михеева Г. В. Октябрь 1917 года... Книжная палата // История в лицах: Ист.-лит. альм. Череповец, 1993. Вып. 1.

⁵ *Егоров И. В.* 1) *Моряки-декабристы*. Л., 1925; 2) *Столетний путь моряков-революционеров*. Л., 1926; 3) *Пролетариат должен овладеть школой*. Б.м., 1920; 4) *Очередные задачи Коминтерна*. Л., 1927; 1905: *Восстания в Балтийском флоте в 1905-06 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова»*: Сб. ст., воспоминаний, материалов и документов / Сост. И. В. Егоров. Л., 1926; и т.д.

⁶ См. об этом, например: *Российские ученые — академику А. В. Луначарскому* // *Вестник Российской Академии наук*. 1994. Т. 64. № 3. С. 257–258.

⁷ *Егоров И. В.* *От монархии к Октябрю*. Воспоминания / Научн. ред. В. И. Старцев. Л., 1980.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Кононова Надежда Николаевна, работник Музея истории ЛГУ, в 1970–1984 гг. его директор.

¹¹ *Егоров И. В.* Он был настоящим библиотекарем // *Библиотекарь*. 1964. № 6. С. 52–53.

¹² Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), филолог и историк. В 1890–1920 гг. преподавал в Петербургском/Петроградском университете (1890–1920; профессор с 1910 г.), академик (1899).

¹³ Браудо Александр Исаевич (1864–1924), историк, библиограф, общественный деятель. Сотрудник Публичной библиотеки (ПБ) с 1889 г. В 1918–1919 и 1921–1924 гг. заместитель директора ПБ.

¹⁴ Андерсон Владимир Максимиллианович (1880–1931), историк, библиограф, сотрудник ПБ с 1902 г. Сторонник советской власти, член РКП(б) с 1919 г. 11 марта 1918 г. назначен правительственным комиссаром ПБ с сохранением должности библиотекаря.

¹⁵ Пресс (Пресас) Аркадий Германович (1870–1952), юрист, литератор, правительственный комиссар и директор Публичной библиотеки с 29 января по 24 марта 1918 г. С 1923 г. в эмиграции.

¹⁶ В книге И. В. Егорова этот эпизод обрастает подробностями: «Компилятор и популяризатор Аркадий Пресс самозвано объявил себя комиссаром Публичной библиотеки. Устроил на работу своих сыновей и вместе с ними принялся расхищать ценнейшие собрания этого хранилища». См.: *Егоров И. В.* *От монархии к Октябрю*. С. 248. Однако факты хищения документально не подтверждены, а инициатива назначения А. Пресса исходила от В. И. Ленина. См. подробнее о нем и его семье: *Молчанов А. К.* *Эмигранты Пресас и Олиференко*. — URL: <http://terijoki.spb.ru/history/templ.php?lang=ru&page=presas> (дата обращения: 20.05.2014).

¹⁷ Кудрявцев Алексей Павлович (1881–1931), литератор, книговед. Участник революционного движения (в рядах ПСР). 15 января 1918 г. назначен заведующим Библиотечным отделом Наркомпроса РСФСР.

¹⁸ Вольценбург Оскар Эдуардович (1886–1971), библиограф, библиотековед. После Октябрьской революции работал в Библиотечном отделе Наркомпроса РСФСР.

¹⁹ Бухбиндер Наум Абрамович (1895 — после 1940), историк еврейского рабочего движения в России. С января 1918 г. заведующий Отделом культуры и просвещения временного Комиссариата по еврейским национальным делам (при Народном Комиссариате по делам национальностей). Автор статей в журналах «Красная летопись», «Пролетарская революция» и «Еврейская старина».

²⁰ Булич Сергей Константинович (1859–1921), лингвист и этнограф. С 1885 г. преподавал в Санкт-Петербургском университете (профессор с 1908 г.). В 1891–1918 гг. преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах (ВЖК).

²¹ Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, специалист по Римской империи, педагог, краевед и общественный деятель. В 1889–1899 и 1902–1923 гг. преподавал в Петербургском/Петроградском университете, в 1889–1899 и 1902–1918 гг. — на ВЖК.

²² Браун Федор Александрович (1862–1942), филолог-германист. В 1888–1920 гг. преподавал в Петербургском/Петроградском университете (профессор с 1900 г.). В 1905–1918 гг. (с перерывами) занимал пост декана историко-филологического факультета. В 1893–1918 гг. преподавал на ВЖК. В 1920 г. выехал в командировку в Германию, в РСФСР не вернулся.

²³ Дьяконова Елизавета Александровна (1874–1902), выпускница Санкт-Петербургских ВЖК (1899), автор «Дневника русской женщины» (СПб., 1905), публицистических статей и рассказов.

²⁴ Балобанова (Балабанова) Екатерина Вячеславовна (1847–1927), историк литературы, переводчик, литератор; теоретик и практик библиотечного дела. В 1882–1924 гг. работала в Библиотеке ВЖК (с 1918 г. — Первое Филиальное отделение библиотеки Петроградского университета).

²⁵ Берхен (урожд. Глаголева) Татьяна Матвеевна (1885–1962), литературовед. В 1907–1918 гг. преподавала литературу на ВЖК.

²⁶ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953), историк, академик (1935). В 1909–1916 гг. преподавал историю на ВЖК.

²⁷ Бульчев Петр Васильевич (1883–1942), филолог, палеограф, диалектолог. В 1909–1918 гг. преподавал на ВЖК русскую филологию.

²⁸ Гримм Эрвин Давыдович (1870–1940), историк. В 1911–1918 гг. ректор Петербургского/Петроградского университета.

²⁹ Адрианов Сергей Александрович (1871–1941/1942), историк литературы и журналист. С 1896 г. преподавал в Петербургском/Петроградском/Ленинградском университете. Один из учителей И. В. Егорова, оказал огромное влияние на складывание его мировоззрения.

³⁰ Подробнее о В. И. Качалове: *Иванова Л. В.* В Петербурге Шверубович стал Качаловым. В. И. Качалов // Знаменитые универсаны: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II. СПб., 2003. С. 273–288.

³¹ Гребенкин Александр Иванович (1881–1942), философ. В 1909–1921 гг. преподавал в Петербургском/Петроградском университете (профессор с 1918 г.)

³² Лапшин Иван Иванович (1870–1952), философ и психолог. В 1897–1922 гг. преподавал в Петербургском/Петроградском университете (профессор с 1913 г.). В 1922 г. выслан на т.н. «философском пароходе».

³³ Гливенко Иван Иванович (1868–1931), литературовед, историк литературы, переводчик. В 1911–1912 гг. преподавал романскую филологию на ВЖК и в Петербургском университете.

³⁴ Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), первый советский Главковерх, прокурор республики, первый нарком юстиции СССР. Учился на юридическом факультете в 1909–1914 гг., предварительно окончив полный курс историко-филологического факультета. См. о нем как универсале: *Яковлев В. П.* Николай Васильевич Крыленко // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 153–160; *Гаврилова О. А.* И. Л. Солоневич: «Я более или менее окончил Санкт-Петербургский императорский университет...» (Опыт сравнительной студенческой биографии) // Клио. 2013. № 10. С. 94–98. — О знакомстве и совместной деятельности с Н. В. Крыленко в студенческие годы И. В. Егоров рассказывает на страницах своей книги «От монархии к Октябрю».

³⁵ Казовый (устар.) — предназначенный для показа. Казовый конец (лучшая часть, выигрышная сторона чего-л.) (Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998).

³⁶ Тарле Евгений Викторович (1874–1955), историк, академик (1927). В 1903–1919 гг. преподавал в Петербургском/Петроградском университете (профессор с 1918 г.). И. В. Егоров вспоминает известный эпизод, когда Е. В. Тарле был ранен конными жандармами при разгоне митинга 18 октября 1905 г. в поддержку Николая II и Манifesta от 17 октября.

³⁷ Сиповский Василий Васильевич (1872–1930), филолог, литературовед, беллетрист. С 1902 г. преподавал в Петербургском университете (профессор с 1922 г.). Один из учителей И. В. Егорова.

³⁸ Как бы то ни было, В. В. Сиповский не эвакуировался при отступлении Добровольческой армии, но остался в Азербайджане, принял активное участие в организации Бакинского университета, в 1919–1922 гг. находился на посту проректора и профессора.

³⁹ Научное общество марксистов (НОМ) при Петроградском университете было создано в декабре 1919 г.

⁴⁰ Миллер Орест Федорович (1833–1889), историк русской литературы, литературовед, поэт. С 1863 г. преподавал в Петербургском университете. О. Ф. Миллер был широко известен в университете благодаря своей щедрости и бескорыстию. После смерти Миллера его ученики и почитатели основали капитал на создание студенческой столовой, которая и была построена в 1902 г. В 1905 г. столовая была закрыта, так как превратилась в площадку для политических сходов студенчества.

⁴¹ Десницкий Василий Алексеевич (партийный псевдоним Строев) (1878–1958), революционер, литературовед. В 1918–1946 гг. преподавал в Петроградском/Ленинградском университете.

⁴² Войтинский Владимир Савельевич (1885–1960), революционер, экономист. После Февральской революции порвал с большевиками, с 1919 г. — в эмиграции.

⁴³ Володарский В. (наст. имя Гольдштейн Моисей Маркович) (1891–1918), революционер, член РКП(б). Комиссар печати, пропаганды и агитации Союза коммун Северной области (СКСО). Убит 20 июня 1918 г.

⁴⁴ Горбунов Николай Петрович (1892–1938), революционер, государственный деятель, ученый-химик. В 1917–1920 гг. секретарь СНК и личный секретарь В. И. Ленина.

⁴⁵ Шилов Федор Григорьевич (1879–1962), библиофил, книговед, библиограф, владелец антикварно-букинистического магазина. После 1917 г. работал в Наркомпросе, ПБ, БАН.

⁴⁶ Речь идет о воспоминаниях Ф. Г. Шилова (*Шилов Ф. Г. Записки старого книжника* / Ред. и предисл. В. Лидина. М., 1959.). В указанном издании воспоминаний 164 страницы. В 1990 г. воспоминания были переизданы в значительно более полном варианте — 559 страниц.

⁴⁷ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959), литературовед, один из ключевых деятелей «формальной школы». В 1918–1949 гг. преподавал в Петроградском/Ленинградском университете.

⁴⁸ Гофман Модест Людвигович (1887–1959), филолог, литературовед-пушкинист, поэт. После революции работал в Пушкинском доме. С 1922 г. — в эмиграции.

⁴⁹ Никольский Борис Владимирович (1870–1919), юрист, поэт и литературный критик. Член «Союза русского народа», убежденный монархист. В 1919 г. расстрелян Петроградской ЧК.

⁵⁰ Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), литературовед, историк литературы, библиограф, критик. В 1897–1899, 1905–1920 гг. преподавал в Петербургском/Петроградском университете. Организатор Российской книжной палаты, в 1917–1920 гг. ее директор.

⁵¹ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк, академик (1929), глава марксистской исторической школы в 1920-е гг. С мая 1918 г. до конца жизни — заместитель наркома просвещения.

⁵² Штернберг (у Егорова ошибочно Шейнберг) Павел Карлович (1865–1920), астроном, революционер. С 1890 г. преподавал в Московском университете (профессор с 1914 г.). С марта 1918 г. заведовал отделом высших учебных заведений, входил в Коллегию Наркомпроса. В конце 1919 г. находился на Восточном фронте; при форсировании Иртыша тяжело заболел и спустя месяц умер в Москве.

⁵³ Бонч-Бруевич (Величкина) Вера Михайловна (1868–1918), партийный деятель, литератор, врач. В 1918 г. член Коллегии НКП. Первая супруга В. Д. Бонч-Бруевича.

⁵⁴ Познер Виктор Маркович (у Егорова ошибочно Карлович) (1877–1957), философ, деятель высшей школы. В 1917–1919 гг. член Коллегии НКП.

⁵⁵ Так в источнике.

⁵⁶ Переферкович Наум Абрамович (1871–1940), лингвист, гебраист, переводчик и лексикограф в области русского языка и идиша. Перевел на русский язык Талмуд. Инициатор издания «Еврейской энциклопедии».

⁵⁷ Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932), биохимик, педагог, политический и общественный деятель. В сентябре–октябре 1917 г. занимал пост министра народного просвещения Временного правительства (последний в должности). В 1905–1911 гг. занимал пост директора Женского медицинского института

в Санкт-Петербурге, в 1924–1925 гг. ректора Крымского университета в Симферополе, в 1927–1931 гг. директора Института экспериментальной медицины.

⁵⁸ Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927), психиатр, психолог, невропатолог, физиолог. Академик Военно-медицинской академии (1899). В 1907 г. основал в Санкт-Петербурге Психоневрологический институт.

⁵⁹ Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928), юрист, публицист и историк. С 1907 г. преподавал в Петербургском/Петроградском университете. Один из основателей Комакадемии. Участвовал в разработке Конституции РСФСР 1918 г.

⁶⁰ Лемке Михаил Константинович (1872–1923), журналист, публицист, историк русской журналистики, цензуры и революционного движения.

⁶¹ Десницкий Василий Алексеевич (у Егорова ошибочно Лесницкий) — см. сноску 41.

⁶² Серебряков Михаил Васильевич (1979–1959), юрист, историк, философ, общественный деятель. Член РСДРП с 1899 г. Один из основателей НОМ. С 1921 г. преподавал в Петроградском/Ленинградском университете, активно содействовал его советизации. В 1926 г. выступил одним из организаторов факультета Советского права. В 1927–1930 гг. занимал пост ректора ЛГУ.

⁶³ Драницын Сергей Никанорович (1879–1956), статский советник, до 1917 г. преподавал в Смольном институте благородных девиц. После 1917 г. резко изменил убеждения. В 1922 г. выступил общественным обвинителем на процессе митрополита Вениамина. Преподавал на факультете общественных наук (ФОН) Петроградского университета, в Коммунистическом университете им. Г. Е. Зиновьева, работал в Наркомате юстиции. Член группы «левой профессуры».

⁶⁴ Борисов-Давидов Осип Александрович (Давыдов Иосиф Александрович) (1866–1942), писатель, философ, педагог, экономист. Участник первых марксистских кружков в Москве. В 1920–1933 гг. преподавал в Петроградском/Ленинградском университете.

⁶⁵ Закс Григорий Давыдович (1882–1937), военный и политический деятель, сотрудник Петроградской и Московской ЧК, позже находился на хозяйственной работе.

⁶⁶ Петров Дмитрий Константинович (1872–1925), филолог, историк литературы, член-корреспондент АН СССР (1922). В 1902–1916 гг. преподавал на ВЖК, с 1899 г. в Петербургском/Петроградском университете (профессор с 1908 г.).

⁶⁷ Разрядка в источнике.

⁶⁸ В здании по адресу Казанская ул., д. 7 исторически располагались многие учреждения Наркомпроса, в том числе и в 1920 г. — Петроградский отдел Главпрофобра Наркомпроса РСФСР.

⁶⁹ Лилина Злата Ионовна (1882–1929), партийный деятель, журналист. Вторая супруга Г. Е. Зиновьева. В описываемое время — заведующая отделом народного образования Петроградского исполкома.

⁷⁰ Лазуркина Дора Абрамовна (1884–1974), участница революционного движения, советский государственный и партийный деятель, жена Михаила Семеновича Лазуркина (1883–1937), занимавшего пост директора ЛГУ в 1933–1937 гг. В описываемое время заведующая дошкольным отделом Наркомпроса РСФСР.

⁷¹ Святловский Владимир Владимирович (1871–1927), историк и экономист. В годы первой русской революции вел активную политическую деятельность, но впоследствии отошел от нее. В 1910–1918 гг. преподавал на ВЖК политэкономии. В 1902–1924 гг. (с перерывами) преподавал в Петербургском/Петроградском университете.

⁷² Рожков Николай Александрович (1868–1927), экономист, историк и философ, политический деятель, революционер. С 1922 г. преподавал в Петроградском/Ленинградском университете.

⁷³ Державин Николай Севастьянович (1877–1953), филолог-славист. С 1912 г. преподавал в Петербургском/Петроградском/Ленинградском университете. В 1922–1925 гг. занимал пост ректора университета. Входил в группу «левой профессуры», активно содействовал реформе университета.

⁷⁴ В здании «бывшего» дворца великого князя Владимира Александровича (Дворцовая наб., 26) с 1920 г. располагается Дом Ученых, в 1920–1924 гг. там же размещалась и Петроградская КУБУ.

⁷⁵ Вознесенский Сергей Валерьянович (1884–1940), историк. В 1920–1938 гг. доцент, затем профессор Петроградского/Ленинградского университета.

⁷⁶ Подробнее о Н. О. Лосском как универсанте: *Иконникова С. В.* «Я буду поступать согласно своим убеждениям». Н. О. Лосский // *Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. Т. II. СПб., 2003. С. 150–168.

⁷⁷ Ухтомский Алексей Алексеевич (1875–1942), физиолог, академик (1935). С 1922 г. преподавал в Петроградском/Ленинградском университете, в том числе и на рабфаке. Подробнее об А. А. Ухтомском как универсанте: *Соколова Л. В.* «Трудно воспитать и поставить на ноги мысль». А. А. Ухтомский // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. Т. I. СПб., 2002. С. 326–342.

⁷⁸ Волошинов Валентин Николаевич (1895–1936), лингвист, философ и литературовед. В 1924 г. окончил ФОН ЛГУ, работал в ИЛЯЗВ, ЛГПИ им. А. И. Герцена.

⁷⁹ Медведев Павел Николаевич (1891–1938), теоретик и историк литературы, литературный критик. Работал в ИРЛИ, ИЛЯЗВ, ЛГУ. Подробнее о П. Н. Медведеве как универсанте: *Медведева Д. А., Медведев Ю. П.* «Искусство и жизнь — не одно, но в пределе...». П. Н. Медведев // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. Т. II. СПб., 2003. С. 383–403.

⁸⁰ Иоффе Еремей Йозевич (Иеремия Исаевич) (1888/1891–1947), советский литературовед, искусствовед, музыковед. В 1923–1938 гг. преподавал в ЛГПИ им. А. И. Герцена, с 1938 г. в Ленинградском университете (профессор с 1942 г.).

⁸¹ Томашевский Всеволод Брониславович (1891–1927), ученый-лингвист и организатор высшей школы, член РКП(б) с 1919 г. В 1925–1927 гг. преподавал в Ленинградском университете, в 1926–1927 гг. занимал пост ректора ЛГУ. О нем: *Петров В. В.* «Большой была его работа и яркой — жизнь его...» В. Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926–1927 гг. // *Клио*. 2013. № 10. С. 109–111.

Гаврилова О. А., Петров В. В. «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский/Ленинградский университет 1918–1931 гг. в воспоминаниях И. В. Егорова // *Новейшая история России*. 2014. № 2 (10). С. 227–256.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Гаврилова О. А.* — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); olga_gao@mail.ru | *Петров В. В.* — бакалавр истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); wladimir.w.petrov@gmail.com

Petrograd/Leningrad University in 1918–1931 in the memories of I. V. Egorov

A publication by O. A. Gavrilova, V. V. Petrov

AUTHORS: *Gavrilova O. A.* — Candidate of History, Assistant Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); olga_gao@mail.ru | *Petrov V. V.* — Bachelor of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); wladimir.w.petrov@gmail.com

REFERENCES:

- ¹ *Sotrudniki Rossiiskoi nacionalnoi biblioteki — deiateli nauki i kultury: Biogr. slovar. Vol. 2. Rossiiskaia Publichnaia biblioteka — Gosudarstvennaia Publichnaia biblioteka v Leningrade, 1918—1930* (St. Petersburg, 1999).
- ² Egorov I. V. *Ot monarkhii k Oktiabriu. Vospominaniia*, Ed. by V. I. Startcev (Leningrad, 1980).
- ³ Mikheeva G. V. 'Oktiabr 1917 goda... Knizhnaia palata', *Istoriia v litcakh* (Cherepovets), 1993, Iss. 1.
- ⁴ Egorov I. V. *Moriaki-dekabristy* (Leningrad, 1925).
- ⁵ Egorov I. V. *Stoletnii put moriakov-revoliucionerov* (Leningrad, 1926).
- ⁶ Egorov I. V. *Proletariat dolzhen ovladet shkoloj* (1920).
- ⁷ Egorov I. V. *Ocherednye zadachi Komintern* (Leningrad, 1927).
- ⁸ *1905: Vosstaniia v Baltiiskom flote v 1905-06 gg. v Kronshtadte, Sveaborge i na korable "Pamiat Azova": Sb. st., vospominanii, materialov i dokumentov*, Compiled by I. V. Egorov (Leningrad, 1926).
- ⁹ Rossiiskie uchenye — akademiku A. V. Lunacharskomu', *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk*, 1994, Vol. 64, no. 3.
- ¹⁰ Egorov I. V. On byl nastoiashchim bibliotekarem', *Bibliotekar*, 1964, no. 6.
- ¹¹ Ivanova L. V. 'V Peterburge Shverubovich stal Kachalovym. V. I. Kachalov' in *Znamenitye universanty: Ocherki o pitomtcakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Vol. II (St. Petersburg, 2003).
- ¹² Yakovlev V. P. 'Nikolai Vasilevich Krylenko' in *Peterburgskii universitet i revoliucionnoe dvizhenie v Rossii* (Leningrad, 1979).
- ¹³ Gavrilova O. A. 'I. L. Solonevich: "Ia bolee ili menee okonchil Sankt-Peterburgskii imperatorskii universitet..." (Opyt sravnitelnoi studencheskoi biografii)', *Klio*, 2013, no. 10.
- ¹⁴ *Bolshoi tolkovyi slovar russkogo iazyka*, Ed. S. A. Kuznetsov (St. Petersburg, 1998).
- ¹⁵ Shilov F. G. *Zapiski starogo knizhnika* (Moscow, 1959).
- ¹⁶ Ikonnikova S. V. "'Ia budu postupat soglasno svoim ubezhdeniiam". N. O. Losskii' in *Znamenitye universanty: Ocherki o pitomtcakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Vol. II (St. Petersburg, 2003).
- ¹⁷ Sokolova L. V. "'Trudno vospitat i postavit na nogi mysl". A. A. Ukhtomskii' in *Znamenitye universanty. Ocherki o pitomtcakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Vol. I (St. Petersburg, 2002).
- ¹⁸ Medvedeva D. A., Medvedev Iu. P. "'Iskusstvo i zhizn — ne odno, no v predele...". P. N. Medvedev' in *Znamenitye universanty. Ocherki o pitomtcakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Vol. II (St. Petersburg, 2003).
- ¹⁹ Petrov V. V. "'Bolshoi byla ego rabota i iarkoi — zhizn ego..." V. B. Tomashevskii: pervyi kommunist vo glave Leningradskogo universiteta. 1926–1927 gg.', *Klio*, 2013, no. 10.